
Размышления о психологии

НЕ ПОРА ЛИ ЗАДУМАТЬСЯ О «ДЕСПОТИЗМЕ ЯЗЫКА» В ПСИХОЛОГИИ?

Е.А. КЛИМОВ

Климов Евгений Александрович — профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ, академик РАО. В 1986–2000 гг. декан факультета психологии МГУ. Автор более 150 научных работ, в т. ч. книг: «Школа... а дальше?» (1971), «Информационно-поисковая система “Профессии-графия”» (в соавт., 1972), «Введение в психологию труда» (1988), «История психологии труда в России» (в соавт., 1992), «Образ мира в разнотипных профессиях» (1995), «Психология профессионала» (1996), «Психология профессионального самоопределения» (1996), «Психология. Учебник для средней школы» (1997), «Основы психологии. Учебник для вузов» (1997).

Резюме

В профессиональном языке психологов распространены "штампы речи", которые могут вызывать разнообразные ассоциации и представления, ведущие к неадекватному пониманию предмета. Хотя такие штампы обычно понятны психологам, представителей других специальностей они могут вводить в заблуждение. Автор приводит ряд примеров подобной терминологии и призывает профессиональное сообщество рассмотреть вопрос о том, чтобы изъять ее из употребления, заменив на более содержательные утверждения.

«...Здесь уже для изложения мысли мне не хватает существующих языковых средств, и встает задача их разработки»

В.П. Серкин. «Хохот шамана»

Словосочетание «деспотизм языка» употребил еще в XIX в. Н.Я. Грот (1852–1899), разбирая некоторые

проблемы логики (Грот, 1882, с. 20; Сумарокова, 1995). Суть обозначенного явления сводится к тому, что

люди иногда не различают отношения между словами, с одной стороны, и отношения между идеями, отображающими ту или иную внеречевую реальность, — с другой. В личной жизни это, как говорится, можно не учитывать, а в науке — весьма важно учитывать.

В XX в. подобная идея (об обусловленности восприятия и мышления человека структурами привычного ему языка) выражена в гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа (см., напр.: Краткий психологический словарь, 1998, с. 186; Психологический словарь, 1996, с. 173). В психосемантике обсуждается проблема «лингвокультурной относительности» (Петренко, 2005, с. 23–31). Современные языковеды говорят как о чем-то само собой разумеющемся (т. е. без ссылок), что «часто язык заставляет говорящего выражать идеи, даже если они несущественны для его высказывания» (Апресян и др., 2006, с. 35, 36). Правда, и в приведенной цитате можно усмотреть проявление «деспотизма языка» в формулировке «язык заставляет». Иначе говоря, языку приписываются свойства властного субъекта деятельности, и у людей, пользующихся языком, могут возникать представления о том, что язык *делает* нечто. Но он же не милиционер и никого не «заставляет» что-либо делать.

В житейском обиходе различение грамматики и логики, слов и мыслей не обязательно является важным. Например, говорим же мы: «ветер дует», «дождь идет» и т. п. Язык тут как бы приписывает ветру, дождю свойства субъектов действий, деятельности. Но в таких случаях люди

правильно понимают друг друга. А в поэзии описываемое явление, в частности, приписывание неодушевленным объектам побуждений, психических состояний — не просто норма, но и достоинство художественной речи (помните: «Зимы ждала, ждала природа. / Снег выпал только в январе...»). Без этого нет и поэзии. Множество подобных примеров легко припомнит каждый.

Но, повторяю, в науке, как и в бухгалтерском деле, требуется предельно точное отображение, обозначение в речи «истинного положения вещей». Считается, например, что «в математике нет символов для неясных мыслей» (Анри Пуанкаре). Это должно бы относиться и к психологии как науке, предметной областью которой являются процессы, в значительной своей части недоступные наблюдению.

Но, быть может, в учебниках, пособиях, справочниках по психологии все обстоит благополучно в обсуждаемом отношении? По-видимому, не всегда.

Когда я обратился к своим собственным публикациям прошлых лет, то заметил, что и сам «грешен» — подвержен «деспотизму языка». Но ведь эти публикации уже «разошлись по рукам», и не избавишься от них, как это сделал в свое время (впрочем, по другим причинам) Н.В. Гоголь, предав огню рукопись второго тома «Мертвых душ».

Далее в предлагаемом тексте будут рассмотрены некоторые распространённые в нашем профессиональном языке «штампы речи», которые неплохо бы изымать из употребления и заменять более содержательными утверждениями для прояснения

сути дела. Почему это важно? Ведь психологи, кажется, достаточно хорошо понимают публикации друг друга!

Дело в том, что психологию сейчас изучают будущие инженеры, медики, юристы, искусствоведы, философы и многие другие становящиеся профессионалы. И полезно подумать о том, какие представления, ассоциации могут у них возникать (в связи с их *особым опытом*) при столкновении с некоторыми словами и оборотами речи, укоренившимися в нашем профессиональном жаргоне.

Иногда пишут, толкуя о психике, что в ней нечто «лежит в основе» чего-то другого. Положим, так: «Абстракция лежит в основе процессов обобщения и образования понятий». Что такое здесь «основа», что значит «лежит»? Значение этих слов таково, что у читателя, скажем, у будущего инженера, еще не испорченного психологическим чтивом, может возникнуть представление о чем-то «лежащем», о чем-то статичном, что можно «потрогать», тогда как психика для психологов, конечно же, процессуальна. По крайней мере, если иметь в виду, например, «абстракцию» и «обобщение», то лучше бы толковать на языке связей, зависимостей соответствующих процессов. Важно ведь знать, что от чего, как, с какой вероятностью зависит.

Конечно, как говорится, «умный авось и так поймет». Но лучше бы употреблять в случаях отмеченного рода (или придумать) какие-то более подходящие слова и обороты речи, соответствующие «истинному положению вещей». Какие? Я и сам пока не всегда знаю. Нахожусь в состоянии озадаченности, как и

В.П. Серкин (см. эпиграф к данной статье).

Я буду здесь иметь в виду именно *хорошие* психологические публикации и, *не ссылаясь на них*, выделю для рассмотрения некоторые особенности нашей профессиональной речи, от которых, повторяю, не худо бы избавляться, заменяя их более содержательными сообщениями (ради пользы общего дела). Почему *не ссылаясь*? Потому что цель моя — не критиковать кого-то (напоминаю, сам «грешен» и даже не уверен, что хорошо исправлюсь), а именно пригласить коллег к обсуждению и совершенствованию нашей профессиональной речи. Прежде всего, нам важно замечать факты «деспотизма языка» и поразмыслить о поисках, разработке возможных более подходящих вариантов высказываний.

Вот, например, в психологии личности определенное место занимает термин «характер» (речь идет о подструктуре личности). Но вместе с тем в публикациях по психологии этот почтенный термин часто употребляется, скажем так, «не по делу», а именно в значении «особенности», «совокупность особенностей» чего угодно. Например, «характер аналитаторов», «характер работы (человека)», «характер боли», «преходящий характер харизмы», «характер походки (человека)» «кризисные ситуации производственного характера», «закономерный характер изменений психики», «знания глубокого и обобщенного характера», «данные имеют характер порядковых шкал», «...установки, имеющие характер рефлексологических реминисценций», «характер среды», «характер коррекционной деятельности». Ну, и так без

видимого конца. Пусть, положим, географы говорят о «характере ландшафта». Они понимают, о чем идет речь. Слова не будем считать предметом сословной, профессиональной собственности. Но в своей-то области наводить терминологическую чистоту, устранять «понятийную грязь» надо?

Примерно так же обстоит дело с термином «способности». Способности свойственны, строго говоря, человеку как субъекту деятельности. Но как прикажете воспринимать следующие выражения? «Способность клеток коры головного мозга выдерживать сильные или длительные воздействия», «способность зрительной системы», «способность аффектов аккумулироваться», «способности организмов к измерению времени», «способность доминанты стойко удерживать возбуждение...», «способность образов к быстрым преобразованиям», «клетка (нейрон-детектор), способная избирательно реагировать...», «способность анализаторов к сенсорному обучению» «фармакологический препарат, способный вызывать нарушение памяти». Термин «способности» размыт.

Часто встречается слово «механизм», которое может сбить с толку неподготовленного читателя психологических публикаций. Слово взято из механики, где оно имеет вполне определенное значение (совокупность подвижно соединенных физических тел, которая под воздействием определенных сил осуществляет заданные движения; тут многое можно измерить, «потрогать»). Ничего похожего в психике нет. А вот слово «механизм» (и подобные «заемные» слова) в психологии употребляется

нередко и, по-видимому, в тех случаях, когда не вполне ясно, о чем идет речь. Иначе говоря, термин ничуть не проясняет сути дела и даже тормозит мысль читателя. Есть, например, в нашем профессиональном языке «механизмы» психической деятельности, «механизмы» взаимодействия соматических и психических процессов, «механизмы» нарушений психических функций, «механизмы» психических процессов, «механизмы» развития и функционирования личности, «механизм» смены социальных ситуаций, «механизмы» творческих процессов, «механизмы» преодоления смысловых искажений, вносимых аффектом». И этот перечень можно было бы продолжать и продолжать. Боюсь, что слово «механизм» используется как некая отговорка (в значении: «Да, тут что-то есть»), т. е. как своего рода «информационная затычка, пробка», тогда как читателю не худо бы узнать о тех процессах и их взаимосвязях, которые пишушим психологам, возможно, известны и понятны. Так пусть будет известно, понятно и другим. Разве не важно заботиться о повышении психологической культуры широких слоев общества?

Скажем, психологи часто употребляют слово «сфера» (когнитивная сфера, эмоционально-мотивационная сфера личности, коммуникативная сфера, сферы деятельности, сфера возможного будущего и много-много всяких прочих «сфер»). Сами психологи к этой условности давно привыкли. Но ведь не все же те, кому приходится ныне изучать психологию, забыли геометрию, где обсуждаемому слову ставят в соответствие вполне определенную реальность:

множество точек, равно удаленных от точки, принимаемой за центр. Вот, положим, мыльные пузыри — это да, нечто похожее на сферы. Но в психике и в общественной среде человека никаких «сфер» нет. Это иносказание, не только не проясняющее то, о чем идет речь (это было бы еще полбеды), но и создающее иллюзию решенности вопроса. И тем самым тормозящее, мне думается, мысль неподготовленного читателя.

Часто встречается в психологических текстах слово «форма» и производные от него. Вспомним, что в философии, искусствоведении есть ясное и правомерное различие «формы» и «содержания» чего-либо. А в психологических (впрочем, и в педагогических) публикациях слово «форма» почему-то укоренилось также и в значении «разновидность». Например: «формы общения», «формы наглядности», «формы научения», «формы организации обучения», «формы психической деятельности», «формы исследований», «формы поведения» и множество других «форм». Но при этом авторы отнюдь не имеют в виду нечто отрешенное от содержания или противопоставляемое ему. Судя по контексту, они имеют в виду как раз содержание, суть обсуждаемых явлений. Зачем же замусоривать текст таинственным словом «форма», если речь идет просто о разновидностях вполне содержательных предметов мысли?

Нередко пишут о «формировании» особенностей психики. «Формирующий подход» при изучении психики считается в нашей науке важной добродетелью. Но ведь корневое значение упомянутых выше в

кавычках слов опять-таки указывает на «форму». А в виду имеются как раз содержательные особенности нашей предметной области. Иначе говоря, думают про одно, а пишут про другое. Зачем? И что прикажете думать тем, для кого значимым является различие между формой и содержанием? Скажем, для инженера-металлурга форма (литейная) — это специально изготовленная «пустота», в которую будет заливаться металл. Для искусствоведа «форма» тоже весьма значимое слово, отличаемое от содержания художественного произведения. Получается, что в психологии прижилась какая-то «гончарная метафора». Но когда гончар придает своему изделию форму, то он превосходно разбирается и в свойствах материала, который «формирует». И психологи тоже, говоря о «формировании» психики, имеют в виду обычно очень сложное *содержание* соответствующих процессов. Не просто «ляпают», а *возделывают* психику с учетом знания ее закономерностей. А почему же говорим о «формировании» ее? Непостижимо.

Пишут о «формировании» качеств личности, о «формировании» произвольного поведения, о «формировании» приемов отвлеченного мышления, отношения к себе, «всех сторон речи» и многого, многого другого.

Точно так же и словосочетание «деформации личности» (в частности, профессиональные) тоже приходится воспринимать как условное, поскольку речь идет обычно о содержательных изменениях личности под влиянием тех или иных причин.

Еще одно проявление «деспотизма языка» состоит в том, что, например, психическим процессам, а иногда

отраслям, направлениям психологии, не говоря уже о мозговых функциях, участках головного мозга, приписываются (грамматически) свойства субъектов деятельности. Например: «эмпирическое мышление строит классификации...», «мотив достижения объясняет внутри- и межиндивидуальные различия...» в том-то и том-то, «когнитивная психология разрабатывает и проверяет...», «современная психология рассматривает связь внешности и личности как проблему...», «фрейдизм считает...», «самовоспитание предполагает», «принцип позволяет», «отрасль психологии изучает...», «социобиология изучает», «сурдопсихология исследует», «направление исследований ставит своей целью...», динамический стереотип «делает нервную деятельность экономной», структуры мозга «создают условия для развития психики». Ну, и т. д. Все можно понять правильно. И все-таки «делают», «создают условия», «строят классификации», «объясняют», «разрабатывают», «проверяют», «считают», «предполагают», «ставят цели» люди, субъекты деятельности, а не те грамматические подлежащие, которые упомянуты чуть выше. Хорошо бы это иметь в виду на будущее.

Еще одно словосочетание, которое встречается нередко и опять-таки уводит мысль от «истинного положения вещей». Разного рода процессам, проявлениям психики, событиям в истории психологии приписывается свойство «играть роль». Например, «движения глаз играют активную роль...» (в зрительном восприятии пространства). Иногда что-то «играет решающую

роль» (например, «ориентировочная деятельность» — в «формировании и осуществлении движений»). Иногда нечто играет «особую роль» (например, дедукция — в «формировании» логического мышления школьника), иногда даже встречаем «чрезвычайную роль» (например, таковую сыграло понятие рефлекса в научном истолковании поведения организмов). Не знаю, что подумают знатоки театрального искусства об упомянутых выше ролях и их градациях. Когда речь идет о социальных ролях людей, то это еще понятно. Но лучше бы нам, психологам, переводить нашу внутрипрофессиональную фразеологию на язык описания того, что происходит в психике «на самом деле» (и, по возможности, без театральных метафор).

Часто встречаются иносказания по-житейски понятные, но все же находящиеся за пределами научного языка. «Эмоциональная окраска сновидений», «палитра практических приложений социальной психологии», «идеологическая, религиозная окраска фанатизма», «палитра объяснений характерологических различий», «чувства, окрашенные отрицательным эмоциональным тоном», «эмоциональная окраска ощущений», «оттенки чувств», «смысловые оттенки». Красиво, но едва ли точно.

Есть химические, физические, геологические метафоры — «кристаллизация идеологии», «широкий спектр объектов», «спектр психических актов», «личностный потенциал», «творческий потенциал движения», «...в недрах экспериментальной психологии», «...в недрах предметной деятельности», «слои

личности» (более или менее глубокие).

Эти и подобные слова и выражения все же «заемные», чужие. Например, термин «потенциал» имеет, что называется, «законную прописку» и понятное значение, прежде всего, в физике, технике, математике (потенциальная функция). Потенциал (от лат. *potentia* — сила) — величина, характеризующая физические поля (электрические, магнитные, гравитационные и др.). Это слово, правда, давно уже разворовано, растащено по многим областям знания (говорят об экономическом потенциале, военном, о любом запасе чего-то; возможно, при этом понимают, о чем идет речь). Но надо ли тащить его еще и в нашу науку?

Иносказания, пусть и образные, яркие, все же не всегда понятны. «Ядро личности», «ядро психической жизни», «внешние воздействия *преломляются* через внутренние условия». Встречается слово «момент» в каких-то загадочных и разных значениях. Например, «рассудок — один из моментов движения к истине», в основу трактовки такого-то понятия «положен момент значимой избирательности...», «слияние волевых и эмоциональных моментов...», «проявление творческих моментов в деятельности».

Встречается, по-видимому, невольное смещение субъектных и объектных явлений. Так, например, слово

«аспект» обозначает, прежде всего, точку зрения, т. е. то, что существует в субъекте, «в голове» людей. Но это слово нередко употребляется и для обозначения признаков объекта, чего-то существующего в предметной области. Например, «исследование аспектов сознания и самосознания», «творчество имеет психологический аспект», «аспекты взаимоотношений человека и среды», «морально-ценностные аспекты сознания», «аспекты экономического поведения», «содержательные аспекты эмоциональности», «динамически-энергетический аспект психики», «аспект адаптации», «скоростные и регуляторные аспекты деятельности», «деятельность и сознание — ...два аспекта...», «сохраненные аспекты личности больного», «обучение аспектам и способам поведения», «аспекты процессов и свойств психики (восприятие, запоминание, обучаемость, мышление)». Понять можно, но строгости нет.

Другие языковые «вольности»: «чувствительность к проблемам», «исследование показало», «исследования позволяют», «память — хранилище опыта», «намерение позволяет человеку произвольно действовать».

Из контекста, конечно, всегда понятно, о чем идет речь. Но все же получается какая-то «терминологическая грязь». В пределах одной науки едва ли уместно одни и те же слова употреблять как в строгом, так и в обыденном значении.

Литература

Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э. и др. Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006.

Грот Н.Я. К вопросу о реформе логики: Опыт новой теории умственных процессов. Нежин, 1882.

Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М.; СПб.: Питер, 2005.

Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. М.: Педагогика-Пресс, 1996.

Сумарокова Л.Н. О «деспотизме языка» в логике (размышления над одной работой Н.Я. Грота) // XI Международная конференция: логика, методология, философия науки. Вып. VI. Секция 7. История логики и методологии науки. Москва—Обнинск: ИФРАН, ИЛКРЛ. 1995.